

УДК 316.44

ИНДЕКС СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕГРЕГАЦИИ В МОНГОЛИИ

Ё. Ундрал

Институт философии Монгольской академии наук,
Монгольский государственный университет (г. Улан-Батор, Монголия)
undralyondon@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются процессы социально-пространственной сегрегации в столице Монголии. Индекс социальной исключенности является основным показателем сегрегации городского пространства Улан-Батора. Теоретико-методологическая основа исследования опирается на концепции, представленные в русле городской социологии такими авторами, как М. Вебер, Г. Зиммель, учеными Чикагской школы социологии. Индекс социального исключения является комплексным показателем, отражающим социально-экономическое положение домохозяйств, трудовой статус столичных жителей, возможности сохранения и увеличения человеческого капитала, потребления и свободного времени. Эти индикаторы, в свою очередь, определяют социальное положение уланбаторцев в пространственном измерении.

Ключевые слова: социология города, социальное неравенство, бедность, социально-пространственная сегрегация, индекс социального исключения, Монголия.

Для цитирования: Ундрал, Ё. (2024). Индекс социального исключения как показатель социально-пространственной сегрегации в Монголии. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 113-121. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.113-121

SOCIAL EXCLUSION INDEX AS AN INDICATOR OF SOCIO-SPATIAL SEGREGATION IN MONGOLIA

Yo. Undral

Institute of Philosophy of Mongolian Academy of Sciences,
National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)
undralyondon@gmail.com

Abstract. This paper examines the processes of socio-spatial segregation in the capital of Mongolia. The social exclusion index is the main indicator of segregation of the urban space of Ulaanbaatar. The theoretical and methodological basis of the study is based on concepts presented in the mainstream of urban sociology by such authors as M. Weber, G. Simmel, scientists of the Chicago School of Sociology. The social exclusion index is a complex indicator reflecting the socio-economic status of households, the labor status of capital residents, the possibility of maintaining and increasing human capital, consumption and free time. These indicators, in turn, determine the social position of Ulaanbaatar residents in the spatial dimension.

Keywords: urban sociology, social inequality, poverty, socio-spatial segregation, social exclusion index, Mongolia.

For citation: Undral, Yo. (2024). Social Exclusion Index as an Indicator of Socio-Spatial Segregation in Mongolia. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 113-121. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.113-121

Введение

С начала 1990-х гг. в результате демократических изменений в Монголии начался переход от плановой экономики к рыночной. Следствием данных процессов стало то, что в последние тридцать лет граждане Монголии получили право переезжать внутри страны без каких-либо ограничений. В соответствии со ст. 16 Конституции Монголии, граждане Монголии имеют право свободно передвигаться по территории страны, выбирать место временного или постоянного проживания, выезжать за границу, проживать и возвращаться в страну¹.

Изменение законодательных норм в отношении выбора места жительства привело к тому, что население столицы Монголии увеличилось более чем на 1 млн чел. Так, в 1992 г. численность жителей Улан-Батора составляла 586 651 чел., а в 2022-м – уже 1 691 766 чел.² В общем-то это соответствует тенденции, характерной для большинства других стран: как правило, основной миграционный вектор направлен из регионов в столицу. То же самое мы можем наблюдать и в Монголии: Улан-Батор является основным центром притяжения, население аймаков «стягивается» в столицу. Практически три четверти жителей Улан-Батора (76,3 %) не являются уроженцами столицы, они переехали из других населенных пунктов³.

Как отмечают эксперты, в Монголии нет системных мер регулирования внутренней миграции, поэтому стихийный переезд жителей из регионов страны в Улан-Батор породил многочисленные формы неравенства, социальной сегрегации и роста бедности.

Методология исследования

Методологические основания анализа социальной сегрегации являются важным элементом развития социологии города (городской социологии). Обращение к данному подходу в нашем случае позволяет рассматривать социальную сегрегацию как конструкт, формирующийся под воздействием масштабных, ярко выраженных тенденций миграции, глобализации, цифровизации, социально-экономических и политических трансформаций.

Классическими трудами по интересующей нас проблематике являются работы М. Вебера. Размышления Вебера о городе начинаются с раздела «Понятие и категории города», в котором он сначала рассматривает различные интерпретации термина «город»,

¹ Конституция Монголии. (1992). [Электронный ресурс]. *Конституции государств (стран) мира*. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=33> (дата обращения: 20.05.2024).

² Population of Mongolia, by Region, Aimags and the Capital, Urban and Rural. (1992-2022). [Online]. *Mongolian Statistical Information Service*. Available at: https://www2.1212.mn/tables.aspx?tbl_id=dt_nso_0300_004v1 (Accessed: 31 May 2024).

³ Монгол Улсын Статистикийн Эмхэтгэл = Монгольский статистический ежегодник. (2021). [Электронный ресурс]. *Монгол Улсын Үндэсний Статистикийн Хороо = Национальный статистический комитет Монголии*. URL: <https://www2.1212.mn/BookLibrary.aspx?category=007> (дата обращения: 24.05.2024)

а затем постепенно приближается к своему собственному определению. Однако исследования М. Вебера не касаются современных городов, он лишь анализирует генезис города в историческом контексте, причем в центре изучения находятся античность и средневековье. Определяя город, М. Вебер учитывает как географические, так и экономические, и политические характеристики поселения, но подчеркивает, что только сочетание этих различных критериев является удовлетворительным решением. В трактовке М. Вебера город представляет собой поселение, жители которого в основном живут за счет доходов не от сельского хозяйства, а от ремесленной или торговой деятельности. Кроме того, по его мнению, должно быть определенное разнообразие предприятий и регулярный обмен товарами, т. е. «рынок», на котором местное население удовлетворяет значительную часть своих повседневных потребностей. При этом М. Вебер разграничивает различные идеальные типы городов, которые отличаются в зависимости от того, как социальные сословия или классы определяют возможности трудоустройства местных производителей через их покупательную способность. В городской экономике регулируются обменные и производственные отношения, формируется городская экономическая политика, гарантирующая постоянство и дешевизну массового питания [см. подробнее: Вебер, 2017].

Также следует обратить внимание на идеи Г. Зиммеля. Если М. Вебер объясняет предысторию типичного европейского городского развития, то Г. Зиммель обращается к внутренней перспективе современного города на микроуровне. Его меньше заботит гармоничная часть городской жизни, основной акцент сделан на трудностях, связанных с потоками стимулов городской жизни. Г. Зиммель, совершавший свои ежедневные прогулки по оживленному мегаполису Берлину, не понаслышке знал, какое влияние, по его мнению, оказывает городская жизнь на социальную конструкцию духовной жизни [Зиммель, 2018].

Огромный вклад в изучение города внесли представители Чикагской школы – Р. Парк и Э. Берджесс. Р. Парк полагал, что на социальное развитие города влияют рост населения, конкуренция между людьми и разделение труда [Парк, 2011]. В 1925 г. Э. Берджесс интегрировал идею о неравномерном распределении групп населения внутри городской территории в свою теорию городского развития. Он считал, что городские районы имеют свой социальный статус. Другими словами, чем дальше от центра проживает индивид, тем ниже его социальный статус [Берджесс, 2002].

Можно сказать, что процесс становления и развития различных социальных групп в мегаполисах осуществляется по-разному. Имеют место как спонтанные социально-групповые процессы в городе, так и вполне поступательные, организованные по определенному принципу. Получается, что социальные группы городских жителей становятся дифференцированными по самым разнообразным критериям, которые могут быть связаны с социальным статусом, родом занятий, расселением и т. д. Все это проявления сегрегации городского пространства. Таким образом, сегрегация является отражением социальной стратификации города. Соответственно, необходимо рассмотреть социальную сегрегацию через призму социальной стратификации.

Факторы социально-пространственной сегрегации

Причинами появления социально-пространственной сегрегации являются по мнению Йенса Дангшата следующие:

– социальное неравенство населения города (по социальному классу, по расовым признакам, по этнической принадлежности, по типу домохозяйства, по возрасту и по образу жизни);

– неравенство городских районов (по характеристикам жилья, инфраструктуры, доступности, местоположению и привлекательности);

– распределение социальных групп по сегментам рынка жилья (через рыночные процессы, административное распределение, отношения между продавцами и покупателями, владельцами и арендаторами, а также между соседями);

– так называемая добровольная сегрегация, т. е. заинтересованность в том, чтобы жить с «одинаковыми» (этнические деревни, gated community) [Dangschat, 2014].

Рассмотрим подробнее причины формирования социально-пространственной сегрегации. Так, население города при рыночной системе общества имеет изначально разные финансовые возможности, что сказывается на выборе места будущего проживания определенного домохозяйства. Так образуются с течением времени районы, где большую часть составляют жители со средним, низким и высоким доходом.

Далее, Т. Шеллинг высказал идею, что жители отдают предпочтение тем районам, где живут люди с равным социальным происхождением [Шеллинг, 2007]. Если брать пример этнических районов, то жители отдадут предпочтение тем районам, где живут люди, принадлежащие к одинаковой с ними национальности / расе.

Рынок жилья распределяет социальные группы по разным сегментам. В этом процессе заметную роль играют агенты недвижимого имущества, которые практикуют дискриминацию по отношению к определенным социальным группам [см. подробнее: Фернандес и др., 2017].

Четвертым фактором образования социально-пространственной сегрегации является желание жить «среди себе подобных». Люди с одинаковым происхождением или равным социальным статусом могут быть заинтересованы в том, чтобы жить в похожем районе. Эта заинтересованность связана с ценностями, образом жизни, этнической принадлежностью, культурой. Образцами такого разделения являются кварталы ремесленников и купцов, которые были распространены в Средние века в Европе [см. подробнее: Трубина, 2011].

Итак, социально-пространственная сегрегация формируется согласно виду неравенства: социальному, районному, через механизмы рынка жилья и по какому-либо признаку социальной принадлежности.

Сегрегация в Монголии

Как же проявляются факторы социальной сегрегации в Монголии? Самым ярким примером, по нашему мнению, можно считать пространственную организацию и территориальное распределение городского населения в столице Монголии, имевшие

место в первой половине XX в. В то время столичный центр назывался Нийслэл Хурээ. В 1910–1920-х гг. монголы в основном жили в Восточном Хурээ и при монастыре Гандан в центральной части города. Китайские торговцы жили в Западном и Восточном районах, которые назывались Дамнурчин и Майма. Буряты, русские и европейцы проживали по большей части в восточной части города около Оросын дэнж.

По свидетельствам современников, Китайский район своим внешним видом совсем не привлекал внимания. «Улицы узкие и грязные. В сухое время года улицы заполняются грязью, которая разносится ветром и забивает нос и глаза. Во время дождя грязные лужи настолько большие, что становятся непроходимыми для людей и даже лошадей. По обеим сторонам улицы проложена широкая дорога для пешеходов, и человеку очень легко поскользнуться и упасть в лужу посреди улицы. Мусор не уничтожается, а просто выбрасывается на улицу, поэтому запах разложения становится невыносимым, когда проходишь мимо. Когда идешь по улице, домов не видно» [Майский, 1921, с. 89].

Согласно данным, которые приводит И. М. Майский, в 1919–1920 гг. население столицы Монголии в основном было представлено следующими этническими группами: китайцы – 82 тыс. чел. (62 %), монголы – 50 тыс. чел. (36 %), русские – 5 тыс. чел. (2 %) [Майский, 1921, с. 116]. Получается, что почти две трети (64 %) столичного населения составляли иностранцы, т. е. в начале XX в. в монгольской столице существовала четкая социально-пространственная сегрегация по этническому признаку.

После Народной революции 1921 г. началось активное развитие промышленности, инфраструктуры и сферы услуг. Начиная с 1930-х гг., интенсифицировались миграционные процессы. В дальнейшем, в 1960-е гг., уже осуществлялось организованное переселение людей из сельской местности в города с целью удовлетворения растущих потребностей в рабочей силе. Во второй половине XX в. распространение получила не только организованная, но и добровольная миграция, в том числе учебная, трудовая, брачно-семейная и т. п. Это также способствовало сегрегированию столичного городского пространства.

Факторы социальной сегрегации в городе Улан-Батор

В Улан-Баторе проживает более 1,6 млн чел., что составляет практически половину (48,07 %) населения Монголии, при этом столица занимает всего 0,3 % от общей площади государства⁴. На Улан-Батор приходится около 67,2 % компаний и организаций, работающих в стране, здесь находятся основные инвестиции, денежные потоки и т. п. Следовательно, имеет место концентрация городской инфраструктуры, рыночного потенциала, рабочих кадров.

Однако большинство мигрантов, приезжающих в Улан-Батор из сельской местности, не могут позволить себе квартиры в городе, поэтому они живут в пригородах, называемых «гэр хороолол», – быстрорастущих, перенаселенных трущобах с хижинами и юртами, которые лишены элементарных санитарных условий и инфраструктуры. Отсутствие центрального отопления вынуждает жителей отапливать свои дома дешевым углем. Зачастую

⁴ Население Монголии. (2023). [Электронный ресурс]. *Countrymeters. Мировой атлас данных*. URL: https://countrymeters.info/ru/Mongolia#population_2023 (дата обращения: 16.05.2024).

у людей не хватает средств на покупку угля, поэтому они топят всем, что можно использовать, в том числе автомобильными шинами, пластиком, строительным мусором и т. д. В итоге дым от домохозяйств «гэр хороолол» (помимо пробок на дорогах, выбросов угольных ТЭЦ и пр.) приводит к тому, что в зимние месяцы уровень задымления столицы превышает все допустимые нормативы. Например, в декабре 2016 г. уровень загрязнения был в пять раз больше, чем в Пекине, превысив уровень, который Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) считает безопасным, в 80 раз⁵.

Массовое переселение носит стихийный характер, и многие внутренние мигранты не имеют регистрации. Все это приводит к возникновению острых социальных и экологических проблем, с которыми городская администрация не может справиться.

В то же время, согласно исследованию Всемирного банка 2014 г., сельских мигрантов нельзя определить как бедных. Представленные результаты репрезентируют, что нет никакой зависимости между возрастом, полом, уровнем образования, статусом занятости, местом жительства в Улан-Баторе, миграционным статусом и доходом. Почти 60 % сельских мигрантов являются многомерно бедными, но и 48 % коренных уланбаторцев также относятся к бедным слоям населения⁶ [Ундрал, 2023, с. 50-51].

Распределение бедных слоев населения по районам и участкам города Улан-Батор имеет определенную пространственную форму. Около 38 % из тех, кто проживает в юрточных кварталах, являются бедными, в то время как менее 1 % людей, живущих в благоустроенных квартирах, бедны. По оценкам Всемирного банка, более половины всех бедных (57,5 %) являются жителями «гэр хороолол». Но бедные домохозяйства не только сконцентрированы на окраинах города, но и равномерно распределены по трем зонам (центр города, прилегающие к центру города территории, городские окраины). При этом число людей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, положительно коррелирует с удаленностью от центра города⁷ [Там же, с. 50-51].

Для изучения процессов социального участия и исключения отделом социологии Института философии в аймаках и столице Монголии было проведено социологическое исследование «Социальное участие и исключение в Монголии» (2019–2022 гг.). В ходе исследования были разработаны такие показатели, как: работа, здоровье, образование и культура, коммуникация, сеть, «независимость», «жилье», которые образуют индекс социального исключения. Индекс социального исключения составлен на основе 24 показателей, включающих экономическое положение домохозяйства, занятость, возможности сохранения и увеличения человеческого капитала, потребление и свободное время. Эти показатели были классифицированы по трем группам домохозяйств: «неисключенные», «частично исключенные», «исключенные». Результаты исследования

⁵ World'S Worst Air Has Mongolians Seeing Red, Planning Action. (2016). [Online]. *Bloomberg*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-12-22/world-s-worst-air-has-mongolians-seeing-red-planning-protest> (Accessed: 31 May 2024).

⁶ Монгол улс: Улаанбаатар хотын иргэдэд хүрэх үйлчилгээг хүртээмжтэй болгох нь = Монголия: обеспечение доступности услуг для жителей Улан-Батора. (2018). [Электронный ресурс]. *World Bank*. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/25041154297763094/pdf/120718-WP-PUBLIC-22-11-2018-16-19-14-TowardInclusiveUrbanMongolHavtastai.pdf>. С. 19 (дата обращения: 31.05.2024).

⁷ Там же.

показали, что процесс социального исключения связан не только с низким уровнем дохода, но и с общим состоянием района проживания. Таким образом, социальное исключение зависит не только от социально-статусных характеристик, но и от специфики городского пространства.

Применение индекса социального исключения позволило выявить уровень исключенности в зависимости от отдаленности от центра города. По результатам исследования в центре города живут люди с уровнем неисклученности в 86,1 %, недалеко от центра – 71,9 %, на окраине города – 50 %. Таким образом, исследование показало что социально-пространственную сегрегацию можно измерить при помощи разработанного индекса социального исключения. Доступ к государственным услугам, хорошая инфраструктура являются одними из главных показателей привлекательности места жительства.

Заключение

Формы социально-пространственной сегрегации отражают социальное расслоение общества, а также политику государства. В начале XX в. социальная сегрегация отражала государственную политику и имела форму этнического разделения. В настоящее время разница в экономическом, социальном и культурном развитии между столицей и сельскими регионами заставляет внутренних мигрантов селиться в городе. Часть внутренних мигрантов, особенно скотоводов, вынуждена селиться на окраине в юрточных поселениях, так называемых «гэр хороолол».

Для измерения социально-пространственной сегрегации в Улан-Баторе был разработан и применен индекс социального исключения, состоящий из социально-экономических и культурных показателей. Результаты исследования показали, что чем дальше от центра живут люди, тем больше показатель социального исключения. Это связано не только с инфраструктурой и планированием города, но и с отсутствием регулирования внутренней миграции. В будущем требуется изучить рыночные механизмы распределения мест проживания, определить привлекательность районов и сравнить с социальным статусом жителей столицы.

Список литературы / References

Берджесс, Э. (2002). Рост города: введение в исследовательский проект. *Личность. Культура. Общество*. Т. IV. Вып. 1-2 (11-12). С. 168-181.

Burgess, E. (2002). Urban Growth: An Introduction to the Research Project. *Personality. Culture. Society*. Vol. IV. Iss. 1-2 (11-12). Pp. 168-181. (In Russ.)

Вебер, М. (2017). *Город*. М.

Weber, M. (2017). *City*. Moscow. (In Russ.)

Зиммель, Г. (2018). *Большие города и духовная жизнь*. М.

Simmel, G. (2018). *Cities and Spiritual Life*. Moscow. (In Russ.)

Майский, И. М. (1921). *Современная Монголия*. Иркутск.

Maisky, I. M. (1921). *Modern Mongolia*. Irkutsk. (In Russ.)

Парк, Р. Э. (2011). *Избранные очерки: сборник переводов*. Ред. Д. В. Ефременко. Пер. В. Г. Николаев. М.

Park, R. E. (2011). *Selected Essays. Collection of Translations*. Efremenko, D. V. (ed.), Nikolaev, V. G. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Трубина, Е. Г. (2011). *Город в теории: опыты осмысления пространства*. М.

Trubina, E. G. (2011). *City in Theory: Experience in Understanding Space*. Moscow. (In Russ.)

Ундрал, Ё. (2023). Факторы социально-пространственной сегрегации в городе Улан-Батор. *Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития*. Сборник научных статей по итогам международного научного семинара. СПб.: Изд-во «ООО Центр научно-информационных технологий Астерион». С. 47-54.

Undral, E. (2023). Factors of socio-spatial segregation in the city of Ulaanbaatar. In *Social processes in Northeast Asia: current state and development trends*. Collection of scientific articles based on the results of the international scientific seminar. St. Petersburg. Pp. 47-54. (In Russ.)

Фернандес, А. И., Хогияни, Б. Ф., Шершнева, Ю. Р. (2017). Городская пространственная сегрегация иностранного населения на примере Бильбао. *Городские исследования и практики*. Т. 2. № 1 (6). С. 64-84. DOI: 10.17323/usp21201764-84.

Fernandez, A. I., Khogiani, B. F., Shershneva, Y. R. (2017). Residential Segregation of the Foreign Population: the Case of Bilbao. *Urban Studies and Practices*. Vol. 2. No. 1 (6). Pp. 64-84. DOI: 10.17323/usp21201764-84. (In Russ.)

Шеллинг, Т. (2007). *Стратегия конфликта*. Пер. с англ. Т. Даниловой. Под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. М.

Schelling, T. (2007). *Conflict Strategy*. Danilova, T. (transl.), Kuznetsov, Yu., Sonin, K. (eds.). Moscow. (In Russ.)

Dangschat, J. S. (2014). Residentielle Segregation. [Online]. In *Gans, P. Räumliche Auswirkungen der internationalen Migration. Forschungsberichte der ARL. No. 3. Verlag der ARL*. Hannover. Pp. 63-77. Available at: <https://www.econstor.eu/handle/10419/141929> (Accessed: 18 July 2024). (In Germ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Ундрал Ёндон – научный сотрудник отдела социологии Института философии Монгольской академии наук, аспирант кафедры социологии и социальной работы Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: undralyondon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3953-1445>

Статья поступила в редакцию: 04.08.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Undral Yondon – Research Fellow at the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences; PhD Student, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Universitetskaya str. (Ikh Surguuliin gudamj), 1, e-mail: undralyondon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3953-1445>

The paper was submitted: 04.08.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 30.09.2024